

Альберт Кранц и Иван Грозный: история одного послания

«**Wandalia**». В 1519, через пять лет после битвы под Оршей, в Сотерской типографии Кёльна вышел труд любекского синдика Альберта Кранца (Albert Krantz) «Вандалия». Позднее, в 1581 году, это творение сыграло определённую роль в рамках другого конфликта Речи Посполитой и России. Ввиду того, что Альберт Кранц почти неизвестен отечественному читателю, считаю актуальным раскрыть вопросы, касающиеся личности автора, его творения «Вандалия», а также восприятия им русских и русской истории. Затем мы перейдем уже непосредственно к сюжету, волею судьбы и трудами немецкого гуманиста, связавшему Германию, Литву и Россию.

Альберт Кранц и «Вандалия». В 1549 году барон Сигизмунд Герберштейн (Sigismund Herberstein), дипломат Священной Римской империи германской нации издал «Regum Moscoviticarum commentarij». Это творение открыло новый период в восприятии России в Европе. Закончилось «темная» эпоха неведения о России в Европе. Однако в более раннее время, после монгольского вторжения, контакты между Россией и Западом были существенно ограничены: информация передавалась почти исключительно через ганзейские и литовско-беларусские источники.

В конце XV столетия отмечается начало творчества немецкого историка Альберта Кранца, чьи труды в определенной степени носили отпечаток своей эпохи: немецкого нерелигиозного гуманизма с одной стороны, а также предреформационного периода – с другой. Труд «Вандалия», впервые опубликованный в 1519 году, включал европейский регион в свою историческую модель. В связи с этим у автора возникла задача сбора и обработки информации о доселе малоизвестной Восточной Европе. Одновременно все сообщения интерпретировались в новом, гуманистическом свете: то есть в неразрывной связи современности и античности, эпохи варварства и Нового времени. «Вандалия» была опубликована уже после смерти автора (1517). Задачей труда было описание истории народов, входивших в «Germania magna» – региона от Рейна до Дона, по мнению Кранца, связанного с древними вандалами. Таким образом, в основу был положен не этнический, а исторический континуитет (Crantzii, 1600). В этом смысле современная автору действительность представлялась диалектически, прошлое и настоящее являлись неразрывным целым, так же как и история регионов «Germania magna», связанных общим прошлым.

Об этом позволяет судить параллелизм описания событий из прошлого различных регионов – отсутствие четкого хронологического принципа, происшествия истории нескольких народов перемежаются.

Россия и русские в историко-географической модели Кранца. Во второй главе «Вандалии» Альберт Кранц отмечает: *«Я однако не в состоянии изложить здесь историю русских от начала, ибо не нахожу достаточно [материала – Ф. П.] для описания»* (Crantzii, 1600: II, 3). *«Среди самих русских, ставших в последнее время дружелюбнее и вежливее, найдутся те, кто исследовал бы их достославную историю. Для меня же будет достаточно»* (Crantzii, 1600: VI, 6).

Эти и другие, относящиеся к разным народам замечания из «Вандалии», констатируют гуманистическую традицию исторического бытия народов региона. Исследователь Альберта Кранца, историк Ульрих Андерманн отмечает: *«Восходя к исходной проблеме, следует сказать, что в целом Кранц стремился к обусловленной источниками аргументации и действительно писать лишь то, что подтверждало предание. Это означало также молчать, если по отношению к какому-либо вопросу не хватало источников либо имеющиеся не могли осветить его»* (Andermann, 1999: 210).

Во времена Кранца информация о русских (в тогдашнем понимании) землях могла передаваться через Ганзейский союз, Польшу и Великое Княжество Литовское. Разумеется, что Альберт Кранц, являясь ганзейским функционером, был хорошо ин-

формирован о балтийском регионе, в то же время он мог наведываться самостоятельно в Пруссию и Ливонию. Нужно, однако, учитывать, что письменные и устные источники этого региона могли сообщать о русских только в «собственном» смысле. Это означает, что Кранц пользовался только той информацией, которая освещала важнейшие отношения между русскими и их соседями. Из политических и религиозных причин эта информация могла быть тенденциозной. С другой стороны, возможно заключить, что данные, находившиеся в распоряжении Кранца, были почти исключительно единственно возможными, которыми мог бы воспользоваться исследователь до известной публикации труда Сигизмунда Герберштейна.

Роксоланы. Вторая глава «Вандалии» раскрывает нам специфический контекст восприятия русских: *«Плиний называет русских роксоланами, Страбон называет их роксаносами или роксосами, из чего и пришло к нам слово «русские». Они живут на востоке между рекой Танаис и Борисфенос, ибо обитают в полях. Есть большая восточная равнина, которая начинается от Германии до узкого выхода Каспийского моря. Много читал я об этом большом, диком и плохом поле. Живет ли кто над русскими, о том мне неизвестно. Роксоланы вели войну против Митридата Евпатора... Их оружие – это шлемы из бычьей шкуры, копья, луки и мечи. Большинство их кочевники, ездят на телегах, кормятся от скота своего. Их еда – это молоко и мясо...»* (Crantzii, 1600: I, 2).

Интересно привести здесь отрывок из текста «Географии» грека Страбона, который, скорее всего, был использован Кранцем: *«Насколько мы знаем, вся северная земля от Германии до Каспийского моря является равниной. Живет ли кто за роксоланами, мы не знаем. Роксоланы вели также войну под началом Тазиоса против военачальников Митридата Евпатора... Они используют шлемы и панцири из бычьих шкур, как оружие нападения они используют луки и мечи. Палатки их прикреплены к телегам, на которых они живут; кормятся они молоком и мясом...»* (Strabo, 2007: III, 17: 430).

Роль имени. Интересно обстоятельство, что документальные и народные географические названия, известные ко времени Кранца, изменены в пользу их античных прототипов: русские-роксоланы, Днепр-Борисфенос, Дон-Танаис и так далее. Интересен и способ сравнения, который мы можем наблюдать уже из особенностей имен. Исследователь Х. Боллбук отмечает: *«Античные тексты создавали изобразительную формулу и мыслительный формат гуманистических описаний народов и земель... Для концепирования образа Germania Magna Кранц опирался почти исключительно на античные описания варваров»* (Bollbuck, 2006: 89–90).

На наличие варварских описаний как источника указывает название «роксоланы» в отношении русских. Роксоланы по Страбону – скифское племя. Поэтому, ассоциируя роксоланов с русскими, Кранц исходил лишь из подобия их имен. Этот ме-

тод, устанавливая родство или даже идентичность через подобие имен, использовался уже Геродотом в его «Истории» (Лурье, 1947: 142). Одновременно мы наблюдаем тенденцию у Кранца связывать античность и современность.

Некоторые выводы. Дальнейшие сообщения Кранца представляются независимыми от первого сообщения о «роксоланах». Мы читаем отрывочную информацию из политической истории государства бывших «номадов». Однако прошлое и современность в гуманистическом смысле не противоречат друг другу. Наоборот, мы наблюдаем тенденцию измерять себя и современное время автором в понятиях античности. Этот исходный пункт определяет смысловые категории, в которых рассматриваются события прошлого этих народов.

Исторические рамки. После упоминания о роксоланах и их войне с Митридатом Евпатором (Mithridat Eupator) следует повествование об истории борьбы русских с татарами в XIII столетии, а также сообщения о современном состоянии региона. Наиболее интересными здесь являются сообщения о битве на «Синей Воде» 1380 (предположительно, речь идет о битве на Куликовом поле 1380), походе Ивана III в Ливонию в 1479 году и на Новгород, которые достойны отдельного исследования (Crantzii, 1600: I, 2). Можно заключить, что история русских для Кранца делится на два периода: эпохи борьбы с татарами и возвышения Москвы во времена Ивана III. Такое восприятие, как мне представляется, было характерным не только для Кранца.

Вторжение татар оказало значительное влияние на контакты и обмен информацией между русскими и европейскими землями. Кроме Новгорода и Пскова остальные русские земли оставались для европейцев почти неизвестными. Вот одно из характерных замечаний Кранца о русских: «*И почти три сотни лет жили они как номады в палатках, питаясь от скота своего*» (Crantzii, 1600: I, 2).

Представляется, что вследствие неведения формула «роксоланов-номадов» была распространена на дальнейшее изложение истории русских. Это не противоречит уже упоминавшемуся выше принципу осторожного обращения с источниками, практиковавшегося Кранцем. Варвары и номады во времена античности могли значить не только нечто негативное/чужое, но и также что-то неизвестное.

Кранц и современная ему Россия. После описания монгольского нашествия мы узнаем о том, что образ жизни русских мало изменился: несмотря на изменения в областях расселения, бродячий образ жизни остается; тем не менее, целостность «*Germania magna*» не была нарушена: «*Русские и поляки еще сейчас как части одного родства родственны вендам в Германии*» (Crantzii, 1600: II, 4).

«*Живущие же в восточных от нас местах савроматы или уже сейчас с немного измененным именем сарматы есть русские, литовцы и поляки, сами по себе большие народы*» (Crantzii, 1600: I, 2).

Итак, русские остаются в «Сарматии», что значит во внутренней семье кранцевской «*Germaniae magna*», где

русские, поляки и литовцы соединены родством не только между собой, но и с вендами в Германии.

Интересно следующее замечание: «*Между тем русские, разделенные на две части (которые называются также Белой и Красной), являются сильнейшими*».

О том, где находятся обе «Руси» на момент конца XV века (времени, когда, предположительно, писалась «Вандалия») свидетельствуют следующие слова: «*Они же на сегодня подчинены великому князю московскому*» (Crantzii, 1600: I, 2).

Не смотря на то, что в хрониках Великого Княжества Литовского «Русь» обозначалась как составная часть княжества¹ и литовские князья позиционировались как наследники великих князей киевских, «Русь» по Кранцу уместается в конкретном политико-географическом регионе – владениях великого князя московского. Другими словами, Кранц, как репрезентант немецкой гуманистической традиции, усматривает не разрыв, а континуитет между киевской и московской традицией. Русь не была разделена политически, она была «продолжена» в лице уже московских государей. Этот и другие примеры указывают на то, что понятия «Польши», «Руси» и «Литвы» сочетали в себе для Кранца как политическое, так и этническое наполнение.

Политическое восприятие русских у Кранца. По сравнению с другими периодами эпоха Ивана III описана наиболее подробно в «Вандалии». С одной стороны это объясняется тем, что Иван III и Альберт Кранц были со-

¹ Например: Летопись Рачинского, 1980: 167–168.

временниками, с другой – посредством византийского наследия московское государство приобретало новый международный статус. Отношение Кранца к отдельным историческим событиям, а также эпитеты, употребляемые к историческим деятелям, иллюстрируют общее личностное восприятие Кранцем эпохи Ивана III. Во второй главе Кранц отмечает: «*Они (русские) имеют красивые города, Москва – столица этих земель, о чем, правда, никто не радуется*» (Crantzii, 1600: I, 2).

Представляется, что этот отрывок задевает дальнейший смысловой контекст дальнейшим сообщением из истории России XV века у Кранца. Далее он развивает свою мысль: «*Так принадлежит московским князьям также и Новгород из-за того, что жители сего города из-за богатства своего ни меры, ни цели не знали. Потому и возникла поговорка: кто может устоять против Господа и великого города Новгорода? Однако правящий сейчас великий князь Иван подчинил их, дабы они были послушны и не восставали впредь. Немного далее к Лифляндии есть город Псков, также достойный похвалы*» (Crantzii, 1600: I, 2).

Здесь, путем противопоставления («красивые» города, великий Новгород, достославные Псков и Москва, чьему владычеству «никто не рад») показывается, что современное положение вещей по сравнению со старыми временами (периода расцвета Новгорода и Пскова) негативно оценивается Кранцем.

В связи с женитьбой Ивана III на дочери византийского императора и походом в Ливонию Кранц дает характеристику самому вели-

кому князю: «*Великий князь, о котором ранее упоминалось в связи с захватом Новгорода, не придумал ничего более, как жениться на дочери константинопольского императора: остался, однако, таким же алчущим завоеваний и грабежей; об этом много известно в Лифляндии*» (Crantzii, 1600: XIII, 21).

Итак, в глазах Альберта Кранца как представителя Ганзы, связанного с балтийскими немцами, женитьба Ивана III на дочери византийского императора отнюдь не повысила его статус. Русский князь остался алчным к чужому «грабителем».

Некоторые выводы. На первый взгляд может показаться, что Кранц, детально описывая племенное прошлое «русских-роксоланов», а затем принимаясь за события недавней истории, рассматривает мифический и реальный периоды как бы независимо друг от друга. Представляется, однако, что история России у Кранца структурируется посредством античного прошлого региона. Интерпретация ранней истории «роксоланов», так же как и события XIII века, основывается на гуманистическом восприятии действительности. Это означает, что для Кранца история представляет собой не последовательность как смену нового и старого, а непрерывную связь древности (античности) и современности. Таким образом современность воспринимается через призму античности. Поэтому в нарративе не всегда можно установить, о ком точно идет речь: о «номадах» либо современных автору русских. Изображение современных русских в этом смысле не противоречит авторской схеме. Здесь

находит свое отражение отношение Кранца-современника к русским. Однако нетронутой остается формула «*Germania magna*»: русские называются «могущественными» соседями поляков, литовцев и вендов.

В этой связи история Ливонии особенно тесно переплетается с историей Германии, Литвы и Руси. Ниже мы рассмотрим один из характерных сюжетов «смежной» истории.

Происхождение сведений о Ливонии. Ещё исследователи В. Нордман, Э. Шефер и П. Шерффенберг (1934, 1893, 1898) усматривали в текстах «Вандалии», касающихся восточноевропейских регионов, заимствования из хроник продолжателя Детмара, «Хроники новеллы» Германа Корнера, «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского и других ганзейских и орденских хронистов (Nordman, 1934; Schaerffenberg, 1893; Schäfer, 1898). Наряду с широким доступом к письменным хранилищам Альберт Кранц пользовался и личным опытом – должность синдика Любека позволяла ему совершать дипломатические поездки в регионы ганзейской торговли (Andemann, 1999: 67). Для описания ливонской истории Кранцем привлекались сведения из более ранней «Хроники новеллы» Германа Корнера, который, в свою очередь, заимствовал информацию из любекской хроники Детмара, а также хроники растенбургского клирика Иоанна фон Позилге. Географическая точность, с которой Кранц описывал события, позволяет предположить, что он лично бывал в Ливонии, возможно, с различными дипломатическими миссиями. Осо-

бенный интерес представляют его сведения о событиях истории Ливонии 2 половины XV века, обстоятельства которых могли стать известными посредством очевидцев либо современников событий.

«Kranzyusz». Одному из сюжетов «Вандалии» через столетия после публикации труда, удалось сыграть определенную роль далеко за пределами Германии. В дневнике Яна Пиотровского, участника похода польского короля Стефана Батория под Псков, от 22 июля 1581 есть такая запись: «*Do tego tyzes my Moskiewskiemu poslali Herbersteina, Gwagnina I kilka rozdzialow z Kranzyusza polacinie, aby sobie poczytal, co jego obyczajach swiat pisze*» (Piotrowski, 1894: 192).

Итак, среди уже известных творений Сигизмунда Герберштейна («Записки о Московии»), Александра Гванини («Хроника европейской Сарматии») с идеологической мотивацией Ивану IV были высланы также и главы из некоего «Кранциуша». Перед комментаторами этого отрывка из дневника Пиотровского встал вопрос: кто такой этот «*Kranzyusz*», главы из труда которого были посланы московскому царю?

Кранц или Краузе? Первый исследователь, который в своем труде «Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой...» коснулся этой проблемы, был В. Новодворский (1904). В своих примечаниях он сомневается, что «*Kranzyusz*» может быть идентифицирован с ганзейским писателем Альбертом Кранцем:

«*Это были сочинения Герберштейна, Гваньини и несколько глав из произведения какого-то Кран-*

ция или Крауция. Я просматривал произведение Альберта Кранца «*Vandalia seu Vandalorum origine etc libri XIV*» в издании 1519 и 1575 г., но нашел только несколько строк об опустошении Ливонии русскими при Иоанне III, их жестокостях и о том, что московскому государю опасно доверять, а потому и не берусь утверждать, как это делает издатель «Дневника похода Стефана Батория под Псков» А. Чучинский, что Кранций, упоминаемый Петровским, есть именно Альберт Кранц» (Новодворский, 1904: 219-220).

В современной публикации дневника похода Стефана Батория под Псков комментатор А. А. Михайлов (2005) предположил, что под «Кранциушем» можно понимать Эллерта Краузе, автора «Письма гетману Я. Ходкевичу о тирании Ивана Васильевича» (Осада Пскова., 2005: 473). Однако это письмо было опубликовано уже позднее известной посылки Ивану Грозному – в 1582 году.

Альберт Кранц? Для того, чтобы оценить убедительность возможной посылки дипломатами Речи Посполитой глав из труда Кранца, необходимо провести выборку текстов из «Вандалии», которые рассказывают о поведении русских в Ливонии. Этими текстами, на наш взгляд, являются XXI глава XIII книги, а также следующий отрывок из I книги (перевод мой – Ф. П.): «*холодной зимой русские ворвались в Ливонию... они вели себя жестоко, как тираны, / садили маленьких деток на колья, / отрезали женщинам грудь...*» (Crantzii, 1600: I, II).

XXI главу я цитирую частично, так как вся эта глава посвящена «жестокостям» русских: «*Великий князь московский, / о котором мы говорили ранее, что он завоевал Нойгарден, / другим ничем не известен, / как только, что он из города Рима дочь константинопольского императора взял себе в жены: остался (однако) таким же для завоевания (ist nach Eroberung derselben)... обратился в 1481 году в ту самую провинцию [Ливонию – Ф. П.], / там был смел на жестокости... и большое количество бедных крестьян использовал как скот для чрезвычайных работ. Такое их положение не на много лучше в их [русских – Ф. П.] собственной стране... (doch war auch ihr Zustand in ihrem eignen Vaterland nicht viel besser) обходятся так с женщинами и детьми, / разлучают их и так оставляют. Потому они [дети – Ф. П.], как собаки, рыскали по Ливонии, / и не было им даже малого хлеба, чтобы насытиться...*» (Crantzii, 1600: XIII, XXI).

Таким образом, в этом отрывке Кранц имеет в виду, что, несмотря на акцептацию Иваном III византийской традиции, он остается завоевателем и тираном, что подтверждается деяниями русских в Ливонии. Возможно, В. Новодворскому эта глава была неизвестна, если он утверждал, что в «Вандалии» есть только несколько строк о Московии. Вся XXI глава XIII книги посвящена «московитам». В свете этого выражение Пиотровского о посланных Ивану IV отдельных главах «Кранциуша» следует понимать так: именно XXI глава, также как и сообщение о более раннем

походе Ивана III в Ливонию, были посланы царю. Нам не представляется проблематичным и само имя «Kranzyusz»: это вполне возможная польская транслитерация немецкой фамилии в родительном падеже.

Немецкая хроника как идеологическое оружие. Мы не видим оснований для сомнения в том, что именно отрывки из «Вандалии» были посланы в 1581 году царю Ивану IV в сложное для него время осады Пскова. При этом весьма вероятно, что послана была XXI глава, единственный раздел, тематически посвященный русским. Таким образом, с помощью этих отрывков,

Ивана Грозного «проинформировали», что между ним и его «тираническим» дедом Иваном III нет большой разницы. Для нас также важно и то, что «Вандалия» немецкого хрониста была в числе тех работ, которые были посланы царю Ивану: это указывает нам на то обстоятельство, что как эта хроника, так и сам хронист Альберт Кранц были достаточно хорошо известны в Восточной Европе (и, частично, в России) того времени. Следовательно, этот пример позволяет нам обосновать актуальность нарратив немецкой гуманистической мысли при исследовании «смежных» сюжетов в истории Восточной Европы.

Источники и литература

1. Летопись Рачинского (1980). *Полное собрание русских летописей, Т. 35: Белорусско-литовские летописи*. Москва: Наука.
2. Лурье, С. Я. (1947). *Геродот*. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
3. Новодворский, Виталий (1904). «Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582)», *Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета*. Санкт-Петербург.
4. Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581) (2005). Псков.
5. Andemann, Ulrich. (1999). *Albert Krantz. Wissenschaft und Historiographie um 1500*. Weimar: Verlag Hermann Böhlau Nachfolger.
6. Bollbuck, H. (2006). *Geschichts- und Raummodelle bei Albert Krantz (um 1448–1517) und David Chytraeus (1530–1600)*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
7. Crantzii, Alberti (1600). *Wandalia oder beschreibung wendischer Geschichte*. Lübeck.
8. Nordman, Vio (1934). «Die Wandalia des Albert Krantz», *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, B, XXIX.
9. Piotrowski, Jan. (1894). *Dziennik wyprawy Stefana Batorego po Pskow w r. 1581 (wyd. A. Czuczynski)*. Krakow.
10. Schaerffenberg, Paul (1893). *Die Saxonia des Albert Krantz*. Diss. Kiel. Meiningen.
11. Schäfer, Ernst (1898). *Zur Geschichtschreibung des Albert Krantz*. Rostocker Habilitationsschrift, Hamburg: Kovac Verlag.
12. Strabo (2007). *Geographica*. Wiesbaden: Marix Verlag.